

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 242 и пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Комплекс»

город Санкт-Петербург

8 июля 2021 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 1 статьи 242 и пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба общества с ограниченной ответственностью «Комплекс». Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том,

соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В.Г.Ярославцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Общество с ограниченной ответственностью «Комплекс» (далее также – ООО «Комплекс», Общество) оспаривает конституционность следующих положений Гражданского кодекса Российской Федерации:

пункта 1 статьи 242, согласно которому в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, имущество в интересах общества по решению государственных органов может быть изъято у собственника в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой ему стоимости имущества (реквизиция);

пункта 2 статьи 1083, в силу которого если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, то в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда размер возмещения должен быть уменьшен (абзац первый); при грубой неосторожности потерпевшего и отсутствии вины причинителя вреда в случаях, когда его ответственность наступает независимо от вины, размер возмещения должен быть уменьшен или в возмещении вреда может быть отказано, если законом не предусмотрено иное; при причинении вреда жизни или здоровью гражданина отказ в возмещении вреда не допускается (абзац второй); вина потерпевшего не учитывается при возмещении дополнительных расходов, при возмещении вреда в связи со смертью кормильца, а также при возмещении расходов на погребение (абзац третий).

1.1. В октябре 2017 года в свиноводческом комплексе, расположенном в селе Шорохово Исетского района Тюменской области и

принадлежащем ООО «Комплекс», стали наблюдаться случаи заболевания и падежа животных, а 10 ноября того же года им получены из ветеринарной лаборатории результаты исследования, которым выявлен генетический материал вируса африканской чумы свиней. В связи с этим Губернатором Тюменской области 10 ноября 2017 года принято постановление № 133 «Об установлении ограничительных мероприятий (карантина) по африканской чуме свиней (АЧС) на территории Исетского района Тюменской области», вводящее карантин в том числе на территории ООО «Комплекс», а областным Правительством – распоряжение № 1357-рп «Об организации и проведении отчуждения животных и изъятия продуктов свиноводства в Исетском районе», которым Управлению ветеринарии Тюменской области поручено образовать специальную комиссию для отчуждения свиней и изъятия продуктов свиноводства. С 10 по 19 ноября 2017 года на территории ООО «Комплекс» проводились мероприятия, направленные на поголовное умерщвление принадлежащих ему животных и их уничтожение путем сжигания. Согласно акту об отчуждении животных и изъятии продуктов животноводства у Общества отчуждено более 16 тысяч свиней, изъято свыше трех тонн продуктов животноводства.

13 декабря 2017 года ООО «Комплекс» обратилось в Управление ветеринарии Тюменской области с заявлением о возмещении ущерба, причиненного в результате отчуждения животных и изъятия продуктов животноводства; к заявлению были приложены все необходимые документы. Приказом Управления от 22 декабря 2017 года в возмещении ущерба отказано на основании абзаца шестого пункта 6 Порядка возмещения ущерба, причиненного собственникам отчуждением животных и (или) изъятием продуктов животноводства в целях предотвращения возникновения и ликвидации очагов особо опасных болезней животных (утвержден постановлением Правительства Тюменской области от 19 июля 2010 года № 206-п; в редакции, действовавшей до вступления в силу постановления Правительства Тюменской области от 25 марта 2021 года

№ 141-п). Согласно этой норме возмещение ущерба за отчужденных животных и изъятую продукцию не осуществляется, если установлены факты нарушения собственниками животных и продукции ветеринарно-санитарных правил, предписаний и указаний должностных лиц государственного ветеринарного надзора, повлекшие возникновение очагов особо опасных болезней и гибели животных. Считая свои права нарушенными, ООО «Комплекс» предъявило в Тюменский областной суд административный иск о признании частично не действующим пункта 6 данного Порядка. По результатам рассмотрения дела абзац шестой этого пункта признан не действующим апелляционным определением Верховного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2018 года № 89-АПГ18-2 со дня его вступления в законную силу.

В то же время ООО «Комплекс» обратилось в Арбитражный суд Тюменской области с заявлением к Управлению ветеринарии Тюменской области об оспаривании названного приказа, а также об обязанности внести Общество в реестр получателей возмещения ущерба, направить заявку на финансирование соответствующих расходов в Департамент финансов Тюменской области и перечислить денежные средства на расчетный счет Общества. Решением от 3 декабря 2018 года, оставленным без изменения вышестоящими инстанциями, приказ признан недействительным. Оснований же для возложения обязанности совершить какие-либо действия суд не нашел, указав, что Управлением 31 октября 2018 года вынесен новый приказ об отказе в возмещении ущерба, который действует и не обжалован, а значит, возложение на Управление обязанности по совершению действий не приведет к восстановлению нарушенных прав Общества.

Решением Арбитражного суда Тюменской области от 10 апреля 2019 года ООО «Комплекс» отказано в удовлетворении заявления к Управлению ветеринарии Тюменской области о признании недействительным приказа от 31 октября 2018 года. Суд исходил из того, что, поскольку изъятие животных произведено в ходе мероприятий по

ликвидации очага африканской чумы свиней, Общество обладает правом на возмещение ущерба, однако именно его виновные действия, выразившиеся в многочисленных нарушениях ветеринарных правил и приведшие к распространению заболевания, повлекли необходимость реквизиции, о чем свидетельствуют в том числе судебные акты по ряду дел с его участием, подтверждающие допущенные им нарушения. Доводы Общества о том, что убытки, причиненные реквизицией, должны быть возмещены независимо от его вины, отклонены, поскольку, по мнению суда, установление наличия грубой неосторожности в действиях лица, у которого в результате реквизиции изъято имущество, исключает возможность безусловного возмещения ему вреда, а иной подход может привести к злоупотреблениям со стороны собственников имущества. Решение суда первой инстанции оставлено без изменения постановлениями Восьмого арбитражного апелляционного суда от 16 июля 2019 года и Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 ноября 2019 года. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2020 года в передаче кассационной жалобы на данные судебные акты для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отказано, а 12 мая 2020 года заместитель Председателя того же суда письмом уведомил ООО «Комплекс» об отсутствии оснований для несогласия с этим определением.

Как считает заявитель, оспариваемые нормы противоречат статьям 2, 8 (часть 2), 17, 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, приданному им в его деле правоприменительной практикой, компенсация стоимости имущества, изъятого у собственника при реквизиции, поставлена в зависимость от вины последнего. Вследствие этого, по утверждению заявителя, реквизиция превратилась в конфискацию, а оспариваемые нормы не обеспечивают надлежащего уровня правовой определенности, поскольку не позволяют однозначно установить условия возмещения

стоимости изъятого, чем нарушаются право частной собственности и баланс публичных и частных интересов.

1.2. Конституционный Суд Российской Федерации в силу статьи 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, статей 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» принимает постановление только в отношении тех положений, которые применены судом при разрешении конкретного дела лица, обратившегося в Конституционный Суд Российской Федерации. Между тем, как следует из представленных ООО «Комплекс» судебных актов, в делах с его участием абзац первый, положение абзаца второго, согласно которому при причинении вреда жизни или здоровью гражданина отказ в возмещении вреда не допускается, и абзац третий пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации не применялись, в связи с чем производство по настоящему делу в этой части подлежит прекращению в силу пункта 2 части первой статьи 43 и части первой статьи 68 названного Федерального конституционного закона.

1.3. Согласно части второй статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» основанием к рассмотрению дела в Конституционном Суде Российской Федерации является в том числе обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон, иной нормативный акт.

Конкретизируя выраженный в статье 35 Конституции Российской Федерации принцип неприкосновенности собственности, законодатель в статье 242 ГК Российской Федерации установил основания для изъятия имущества при реквизиции и тем самым предусмотрел гарантии защиты частной собственности от произвольного изъятия. Так, при реквизиции имущество может быть изъято у собственника в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, в интересах общества по решению государственных органов в порядке и на условиях, установленных

законом, с выплатой ему стоимости имущества, что соответствует статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации о допустимых ограничениях прав и свобод. Оценка, по которой собственнику возмещается стоимость реквизированного имущества, может быть оспорена им в суде; лицо, имущество которого реквизировано, вправе при прекращении действия обстоятельств, в связи с которыми произведена реквизиция, требовать по суду возврата ему сохранившегося имущества. Означенные основания и порядок изъятия имущества позволяют отграничить реквизицию от других способов изъятия имущества у собственника, перечисленных в статье 235 данного Кодекса, не допустить их смешения и подмены иными институтами гражданского права.

Статья 242 ГК Российской Федерации призвана, таким образом, гарантировать, как того требует Конституция Российской Федерации (статья 17, часть 3; статья 19, части 1 и 2; статья 55, часть 3), баланс частных и публичных интересов, когда при обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, т.е. не терпящих отлагательств, в общих интересах имущество может быть изъято у собственника на возмездной основе по решению административных органов, и тем самым – защитить интересы как индивида, так и общества в целом. При этом сам по себе пункт 1 этой статьи, направленный на защиту права собственности и не устанавливающий каких-либо оснований для отказа в выплате собственнику стоимости изъятого имущества или для ее снижения в зависимости от действий (бездействия) самого собственника, способствовавших наступлению указанных обстоятельств, не может рассматриваться как нарушающий конституционные права заявителя.

Согласно абзацу второму пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации при грубой неосторожности потерпевшего и отсутствии вины причинителя вреда в случаях, когда его ответственность наступает независимо от вины, размер возмещения должен быть уменьшен или в возмещении вреда может быть отказано, если законом не предусмотрено иное. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации,

положения названной нормы – в рамках проводимой в России как правовом и социальном государстве (статья 1, часть 1; статья 7, часть 1, Конституции Российской Федерации) правовой политики – воплощают основанный на принципе пропорциональности (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации) баланс субъективных прав причинителя вреда, с одной стороны, и потерпевшего, проявившего грубую неосторожность, с другой (Определение от 19 мая 2009 года № 816-О-О и др.). Следовательно, приведенное положение, будучи элементом регулирования деликтных правоотношений, также само по себе не может расцениваться как нарушающее права, гарантированные Конституцией Российской Федерации.

Таким образом, рассматриваемые обособленно, ни пункт 1 статьи 242 ГК Российской Федерации, ни приведенное положение абзаца второго пункта 2 статьи 1083 данного Кодекса неопределенности в вопросе об их конституционности не обнаруживают.

1.4. В то же время в силу части второй статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов. Эти критерии относятся прежде всего к выработке итогового решения по делу, но применимы и для оценки того, имеется ли неопределенность в вопросе о конституционности акта как основание для рассмотрения дела и основа для правильного определения его предмета.

В решениях по конкретному делу заявителя соответствующие положения применены судами во взаимосвязи. На основании их системного применения сделан вывод о зависимости возмещения стоимости изъятого у собственника при реквизиции от его вины в возникновении обстоятельств, с которыми реквизиция связана. Так,

отказывая в передаче кассационной жалобы на судебные акты, состоявшиеся в деле о признании недействительным приказа от 31 октября 2018 года, для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, судья того же суда отметил, что Верховный Суд Российской Федерации в апелляционном определении от 26 сентября 2018 года № 89-АПГ18-2 прямо указал на возможность применения статьи 1083 ГК Российской Федерации при разрешении вопроса о наличии оснований для отказа в возмещении ущерба (определение от 12 марта 2020 года № 304-ЭС20-863).

В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации не исследует вопрос о том, применим ли абзац второй пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации, находящейся в его главе 59 «Обязательства вследствие причинения вреда», к отношениям, возникающим в связи с реквизицией, выступающей способом правомерного изъятия имущества в определенных ситуациях. Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что в любом случае подобное применение относящихся к разным гражданско-правовым институтам пункта 1 статьи 242 и абзаца второго пункта 2 статьи 1083 данного Кодекса в их взаимосвязи свидетельствует о неопределенности правового регулирования в обозначенном аспекте. В связи с этим соответствующие положения и рассматриваются в настоящем Постановлении совместно.

Имея в виду изложенное, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения пункта 1 статьи 242 и абзаца второго пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации в той мере, в какой они применены – в их судебном истолковании и во взаимной связи – в качестве нормативного основания для отказа в выплате собственнику стоимости животных или продуктов животноводства, изъятых у него при ликвидации очагов особо опасных болезней животных, если поведение собственника содействовало возникновению и распространению таких очагов.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1), а также право частной собственности, которое, согласно ее статье 35, охраняется законом (часть 1), включает в себя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (часть 2), притом что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, а принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения (часть 3). Не исключаются, однако, ограничения права собственности и его составляющих федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Граждане и их объединения, реализуя право собственности, равно как и законодатель, вводя правовое регулирование, а правоприменитель – разрешая возникший спор, должны исходить из нашедшего отражение в статье 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации общеправового принципа, согласно которому осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц и который применительно к сфере гражданско-правовых отношений означает, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники этих правоотношений должны действовать добросовестно, как того требует пункт 3 статьи 1 ГК Российской Федерации. Развивая указанный принцип, данный Кодекс называет в числе основных начал гражданского законодательства следующие: никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1); не допускается любое

заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) (пункт 1 статьи 10); в противном случае суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом (пункт 2 статьи 10).

При этом законодатель, действуя в рамках предоставленных ему Конституцией Российской Федерации полномочий, при регулировании гражданско-правовых отношений призван обеспечивать их участникам возможность в каждом конкретном случае находить разумный баланс противоположных интересов.

3. В силу статьи 19 Закона Российской Федерации от 14 мая 1993 года № 4979-1 «О ветеринарии» при ликвидации очагов особо опасных болезней животных по решениям высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, принимаемым по представлениям уполномоченных лиц, могут быть изъяты животные или продукты животноводства с выплатой собственнику их стоимости за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации и выдачей собственнику документа о таком изъятии. В развитие данного Закона приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 19 декабря 2011 года № 476 утвержден Перечень заразных, в том числе особо опасных, болезней животных, по которым могут устанавливаться ограничительные мероприятия (карантин), а Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 мая 2006 года № 310 утверждены Правила изъятия животных и (или) продуктов животноводства при ликвидации очагов особо опасных болезней животных. Данные Правила наделяют граждан и юридических лиц правом на возмещение ущерба, понесенного ими в результате изъятия животных или продуктов животноводства, в размере стоимости изъятого в соответствии с порядком расходования средств бюджета субъекта Российской Федерации, предусмотренных на эти цели (пункт 9).

Статья 18 Закона Российской Федерации «О ветеринарии» гласит, что ответственность за здоровье, содержание и использование животных несут их владельцы, а за выпуск безопасных в ветеринарно-санитарном отношении продуктов животноводства – производители этих продуктов; владельцы и производители обязаны, в частности, осуществлять хозяйственные и ветеринарные мероприятия, обеспечивающие предупреждение болезней животных и безопасность в ветеринарно-санитарном отношении продуктов животноводства. На физических и юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, являющихся собственниками (владельцами) свиней, возложены дополнительные обязанности Ветеринарными правилами осуществления профилактических, диагностических, ограничительных и иных мероприятий, установления и отмены карантина и иных ограничений, направленных на предотвращение распространения и ликвидацию очагов африканской чумы свиней, утвержденными приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 28 января 2021 года № 37 (пункты 7, 15 и 16).

Должностные лица и граждане, виновные в нарушении ветеринарного законодательства, несут, согласно статье 23 Закона Российской Федерации «О ветеринарии», дисциплинарную, административную, уголовную и иную ответственность, а наложение штрафов и других взысканий не освобождает виновных от обязанности возместить ущерб в установленном порядке. Тем не менее данный Закон и принятые в соответствии с ним иные нормативные правовые акты – которые, будучи специальным законодательством, регулируют отношения в области ветеринарии в целях защиты животных от болезней, выпуска безопасных в ветеринарном отношении продуктов животноводства и защиты населения от болезней, общих для человека и животных (статья 2), – не предусматривают механизма, позволяющего при определении и выплате стоимости изъятых животных или продуктов животноводства в

случае ликвидации очагов особо опасных болезней животных учитывать вину собственника в возникновении и распространении этих очагов.

4. Изъятие животных или продуктов животноводства с выплатой собственнику их стоимости Закон Российской Федерации «О ветеринарии» не именуется реквизицией. Однако из всего исчерпывающего перечня случаев допускаемого (предписанного) законом принудительного изъятия у собственника имущества, перечисленных в пункте 2 статьи 235 ГК Российской Федерации, под описание соответствующих правоотношений подпадает именно реквизиция.

Пункт 1 его статьи 242, указывая на выплату собственнику стоимости изъятого как элемент регулирования реквизиции, не содержит – в отличие от целого ряда других положений данного Кодекса – прямой оговорки о том, что иными законами может быть установлено обратное. При этом, хотя реквизиция в доктринальном плане не может рассматриваться как причинение вреда правомерными действиями уполномоченных государственных органов, отсутствие подобных ее характеристик в законодательстве не препятствует правоприменителям прибегать по аналогии закона к нормам главы 59 данного Кодекса, а также обращаться к его положениям о запрете злоупотребления правом и о возможности отказа в защите права при злоупотреблении им в случае, когда требование выплатить стоимость изъятых животных и продукции предъявлено тем лицом, которое своими действиями (бездействием) в сфере ветеринарных правил само способствовало созданию очага особо опасного заболевания животных. Но использование аналогии закона, как и общих положений гражданского законодательства, ставит разрешение вопроса об учете поведения собственника в зависимость от не очерченного четкими законодательными критериями усмотрения суда. Причем соответствующие положения данного Кодекса сами по себе являются достаточно оценочными, что вполне приемлемо и даже необходимо для сугубо гражданско-правового регулирования, но может создать сложности

применительно к отношениям, попадающим под конституционные гарантии защиты права собственности от вмешательства государства.

В случае ликвидации очагов особо опасных болезней животных с выплатой стоимости изъятого значимость этого конституционного аспекта усиливается еще и потому, что если ряд носящих чрезвычайный характер обстоятельств, о которых идет речь в пункте 1 статьи 242 данного Кодекса, не может быть обусловлен поведением участников правоотношений (например, стихийные бедствия), то формирование таких очагов может быть связано с поведением, в том числе с неисполнением ветеринарных правил. Это ведет к неопределенности в регулировании вопроса об учете вины собственника в возникновении и распространении таких очагов при определении и выплате стоимости изъятых животных или продуктов животноводства. Поэтому изъятие животных или продуктов животноводства в случае ликвидации очагов особо опасных болезней животных и выплата их стоимости должны регулироваться так, чтобы формировать законные ожидания собственников, а в ситуациях, аналогичных рассматриваемой, стимулировать их к правомерному поведению (соблюдению ветеринарных правил), предпочтительно на основе прямых и недвусмысленных нормативных указаний, не вызывающих необходимости прибегать по аналогии закона к нормам, регулирующим иные отношения.

4.1. Сам по себе отказ в выплате собственнику стоимости животных и продуктов животноводства (уменьшение выплаты), изъятых у него при ликвидации очагов особо опасных болезней животных, если его поведение содействовало возникновению и распространению таких очагов, не может быть признан лишенным конституционных оснований.

Возложение действующим законодательством на собственника как обязанности по принятию комплекса мер, направленных на предотвращение возникновения и распространения африканской чумы свиней, так и ответственности за их непринятие или ненадлежащее осуществление обусловлено характером этой болезни – заразной и особо

опасной – и предопределяется необходимостью соотнесения принадлежащего лицу права собственности с правами и свободами других лиц, а также наличием у собственника бремени содержания принадлежащего ему имущества (статья 210 ГК Российской Федерации).

При несоблюдении установленных норм и правил, приведшем к возникновению и распространению заболевания принадлежащих собственнику животных и введению ограничительных мероприятий (карантина) как на территории самого собственника, так и на территории других лиц, ущерб может быть причинен не только иным собственникам животных или продуктов животноводства. В таком случае выплата денежных средств из бюджета и другие расходы бюджета на предотвращение (преодоление) эпизоотии влечет расходы соответствующего публично-правового образования, имущество которого в силу статьи 8 (часть 2) Конституции Российской Федерации и принятой в ее развитие статьи 124 ГК Российской Федерации подлежит защите, осуществляемой и в рамках гражданско-правового регулирования.

Это позволяет принимать во внимание виновные действия (бездействие) собственника, которыми нарушены обязательные для исполнения нормы и правила и которые способствовали возникновению и распространению очагов особо опасных болезней животных, приведя к изъятию животных или продуктов животноводства. Более того, возможность получить стоимость изъятых в полном объеме независимо от виновных действий (бездействия) собственника, приведших к необходимости выплаты ему из бюджета субъекта Российской Федерации денежных средств, при определенных обстоятельствах может рассматриваться через призму требований статей 8 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации как нарушающая не только баланс частных и публичных интересов, но и принцип равноправия, когда добросовестные и недобросовестные участники гражданского оборота получали бы из

бюджета полную стоимость изъятого имущества и, соответственно, равную защиту их прав.

Однако и такой подход, когда выплата собственнику стоимости животных и продуктов животноводства, изъятых у него при ликвидации очагов особо опасных болезней животных, производится безотносительно к тому, имели ли место его виновные действия (бездействие) и содействовали ли они возникновению и распространению таких очагов, также конституционно приемлем, поскольку не исключает дальнейшего взыскания с собственника, получившего выплату, возмещения вреда при наличии оснований для его деликтной ответственности, размер которого может и превышать размер выплаты. Законодатель, который не лишен возможности для достижения общественно полезных целей и обеспечения правильного поведения участников правоотношений использовать не только карательные, но и стимулирующие меры, может в правовом регулировании исходить из того, что выплата собственнику стоимости животных и продуктов животноводства, изъятых у него по предусмотренным законодательством о ветеринарии основаниям, является стимулом для собственника совершить требуемые действия, а не осуществлять нелегальный ввод в оборот больных или подвергшихся риску заражения животных и продукции из них вопреки интересам ветеринарной и санитарно-эпидемиологической безопасности.

Следовательно, Конституционный Суд Российской Федерации в условиях неопределенности рассматриваемого правового регулирования не имеет оснований из двух вариантов его понимания и толкования выбрать лишь один как конституционно допустимый, априори исключая другой.

4.2. О неопределенности рассматриваемого правового регулирования свидетельствует и противоречивая правоприменительная практика.

В целом ряде дел суды исходили из того, что действующее законодательство не ставит выплату компенсации собственникам и иным владельцам за отчужденное имущество в зависимость от соблюдения ими

ветеринарных норм и правил; соответственно, ущерб, причиненный отчуждением зараженных животных, подлежит возмещению независимо от вины (определения Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2014 года № 308-ЭС14-3227, от 19 февраля 2015 года № 308-ЭС14-8913, от 1 сентября 2015 года № 308-ЭС15-9477, от 8 сентября 2015 года № 308-ЭС15-12530; апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 июля 2018 года № 21-АПГ18-2). При этом делался вывод, что спорные правоотношения урегулированы специальным законодательством в области ветеринарии, в силу которого государство – имея в виду присущие ему социальные функции и чрезвычайный характер эпизоотий, чье распространение обычно находится вне контроля отдельных хозяйствующих субъектов, – приняло на себя бремя возмещения возникающих вследствие эпизоотий убытков и обязанность по принятию мер против их распространения, а потому довод о необходимости применения статьи 1083 ГК Российской Федерации об учете грубой неосторожности потерпевшего основан на неверном понимании норм материального права (постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10 ноября 2014 года по делу № А32-44064/2013 и от 27 апреля 2015 года по делу № А32-18047/2014).

В других же делах суды не исключали необходимость учета фактов нарушения собственником соответствующих требований (например, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22 октября 2020 года № Ф06-65720/2020). В деле ООО «Комплекс» правоприменители, как отмечено выше, также посчитали возможным применить нормы главы 59 ГК Российской Федерации об обязательствах вследствие причинения вреда и, в частности, статью 1083 данного Кодекса, сославшись на то, что грубая неосторожность в действиях лица, у которого в результате реквизиции изъято имущество, исключает возможность безусловного возмещения ему вреда, и на то, что Верховный Суд Российской Федерации в судебном акте по другому делу с участием заявителя указал на возможность применения

этой статьи при разрешении вопроса о наличии оснований для отказа в возмещении ущерба.

4.3. В вопросе о возможности учета поведения, содействовавшего возникновению и распространению очагов особо опасных болезней животных, нет единства и у органов государственной власти, наделенных в силу статей 84 (пункт «д»), 105 и 107 Конституции Российской Федерации полномочиями по принятию, одобрению, подписанию и обнародованию федеральных законов. Как следует из отзывов полномочных представителей Государственной Думы и Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации, они на основании пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации исходят из возможности отказа собственнику в выплате стоимости изъятого (в возмещении вреда) при определенных условиях. В то же время полномочный представитель Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации акцентирует внимание на том, что Закон Российской Федерации «О ветеринарии» и Правила изъятия животных и (или) продуктов животноводства при ликвидации очагов особо опасных болезней животных не предусматривают учета вины собственников при возмещении ущерба, понесенного ими в результате отчуждения животных или продукции животноводства, а публичный субъект принял на себя обязательство компенсировать собственникам стоимость изъятых у них животных и продукции; при этом основание для отказа в выплате вводит правоприменительная практика.

5. Из изложенного следует, что в рассматриваемом вопросе – об учете при определении и осуществлении выплаты собственнику стоимости животных и продуктов животноводства, изъятых у него при ликвидации очагов особо опасных болезней животных, его грубой неосторожности, если она содействовала возникновению и распространению таких очагов, – отсутствует ясность закона в отношении субъектов соответствующих правоотношений, исходящих из содержания конкретной нормы или находящихся в очевидной связи норм (в том числе оспариваемых

заявителем по настоящему делу). При этом противоречивость судебной практики подтверждает, что в данном случае необходимая степень определенности правового регулирования не может быть достигнута, вопреки выраженным в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации требованиям к ней (постановления от 22 апреля 2013 года № 8-П, от 12 марта 2015 года № 4-П и др.), и путем выявления более сложных взаимосвязей правовых предписаний.

В силу неоднократно высказанной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции неоднозначность и противоречивость законодательного регулирования неминуемо препятствуют адекватному уяснению его содержания и предназначения, допускают неограниченное усмотрение публичной власти в процессе правоприменения, создают предпосылки для административного произвола и избирательного правосудия, чем ослабляют гарантии защиты конституционных прав и свобод. Поэтому самого по себе нарушения требований определенности правовой нормы вполне может быть достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации (постановления от 20 декабря 2011 года № 29-П, от 2 июня 2015 года № 12-П, от 19 июля 2017 года № 22-П и др.). Если взаимоисключающие варианты толкования одной и той же нормы (продиктованные, помимо прочего, различиями в ее понимании при сопоставлении с другими нормами) оказываются не лишенными разумного юридического обоснования, укладывающегося в конституционные рамки законодательного усмотрения, а единая судебная практика применения такой нормы не сформирована, уяснить ее подлинное содержание даже с помощью обращения к конституционным целям и принципам удастся не всегда. В подобной ситуации наиболее корректным, если не единственно возможным способом выявления реального содержания и значения установленного законодателем правового регулирования является – во исполнение принципа разделения властей (статья 10 Конституции Российской Федерации) – законодательное уточнение нормативных

положений, неясность которых, не преодолимая средствами юридического толкования, создает серьезные препятствия для полноценного обеспечения равенства перед законом и судом в процессе их применения (Постановление от 30 марта 2018 года № 14-П).

Отсутствие в системе действующего правового регулирования четкого и непротиворечивого правового механизма выплаты собственнику стоимости животных или продуктов животноводства, изъятых у него при ликвидации очагов особо опасных болезней животных, не позволяет ответить на вопрос об учете допущенной собственником грубой неосторожности, если она содействовала возникновению и распространению таких очагов.

Тем самым взаимосвязанные положения пункта 1 статьи 242 и абзаца второго пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 8 (часть 2), 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования и в их судебном истолковании создают неопределенность в вопросе об учете при определении и осуществлении выплаты собственнику стоимости животных или продуктов животноводства, изъятых у него при ликвидации очагов особо опасных болезней животных, его грубой неосторожности, если она содействовала возникновению и распространению таких очагов.

Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом выраженных в настоящем Постановлении правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации – принять меры по устранению выявленной неопределенности правового регулирования. При этом, поскольку в содержательном аспекте на основании конституционных положений при условии надлежащего законодательного регулирования допустимо как решение, вынесенное по делу ООО «Комплекс», так и иное, на вынесении которого он настаивал, постольку пересмотр судебных актов по делу заявителя возможен только на основе принятого во исполнение настоящего Постановления правового

регулирования и только в том случае, если из него будет следовать оправданность притязаний заявителя, бывших предметом рассмотрения в данных судебных актах (пункт 10¹ части первой статьи 75 и часть третья статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

До внесения федеральным законодателем изменений в правовое регулирование, вытекающих из настоящего Постановления, признание взаимосвязанных положений пункта 1 статьи 242 и абзаца второго пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации не препятствует изъятию животных и продуктов животноводства при ликвидации очагов особо опасных болезней животных и выплате собственнику их стоимости. Если же правоприменительный орган придет к выводу о наличии оснований для учета грубой неосторожности собственника как содействовавшей возникновению и распространению таких очагов, решение вопроса о выплате откладывается до вступления в силу принятого во исполнение настоящего Постановления правового регулирования вне зависимости от течения срока исковой давности. При этом, если в соответствии с новым регулированием полная или частичная выплата будет предусмотрена, стоимость изъятых определяется на день принятия решения о выплате.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения пункта 1 статьи 242 и абзаца второго пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 8 (часть 2), 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (часть 3), в той

мере, в какой в системе действующего правового регулирования и в их судебном истолковании они создают неопределенность в вопросе об учете при определении и осуществлении выплаты собственнику стоимости животных или продуктов животноводства, изъятых у него при ликвидации очагов особо опасных болезней животных, его грубой неосторожности, если она содействовала возникновению и распространению таких очагов.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом выраженных в настоящем Постановлении правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации – принять меры по устранению выявленной неопределенности правового регулирования.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности абзаца первого, положения абзаца второго, согласно которому при причинении вреда жизни или здоровью гражданина отказ в возмещении вреда не допускается, и абзаца третьего пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации.

4. Судебные акты, вынесенные по делу общества с ограниченной ответственностью «Комплекс» на основании положений пункта 1 статьи 242 и абзаца второго пункта 2 статьи 1083 ГК Российской Федерации в той мере, в которой они признаны настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру на основе принятого во исполнение настоящего Постановления правового регулирования, если из него будет следовать оправданность притязаний заявителя, бывших предметом рассмотрения в данных судебных актах.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)

№ 33-П

Конституционный Суд
Российской Федерации